

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

M15

Серия «Психологический триллер»

Clare Mackintosh

I LET YOU GO

Перевод с английского О.А. Мышаковой

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения издательства Little, Brown Book Group Limited и литературного агентства Nova Littera SIA

Макинтош, Клэр.

М15 Я отпускаю тебя : [роман] / Клэр Макинтош ; [перевод с английского О. А. Мышаковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-118386-8

Был обычный дождливый день. День, когда маленький мальчик отпустил руку отвлекшейся матери и побежал через дорогу, — и ее жизнь разбилась вдребезги...

Год спустя талантливая художница Дженна Грей, скрывшаяся от мира в прибрежной деревушке, вновь и вновь переживает день этой трагической автокатастрофы, все глубже погружаясь в чувство вины и безнадежности.

А между тем опытный детектив Рэй Стивенс и его молодая напарница Кейт, ведущие дело о наезде на мальчика, бегстве водителя с места аварии и исчезновении убитой горем матери, начинают подозревать, что здесь всё далеко не так просто, как казалось вначале...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© Clare Mackintosh, 2014

© Перевод. О.А. Мышакова, 2019

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-118386-8

Часть первая

Глава 1

Стоя у окна, инспектор криминальной полиции Рэй Стивенс разглядывал свой крутящийся стул, подлокотник которого сломался минимум год назад. До сих пор инспектор, будучи человеком практическим, попросту не опирался на левую сторону, но когда он выходил на обед, на спинке кресла кто-то черным маркером написал «дeфективный». Рэй гадал: может, отдел хозобеспечения, рьяно взявшийся за ревизию офисного оборудования, собрался расщедриться на замену? Или же ему суждено руководить бристольской криминальной полицией из кресла с надписью, бросающей нешуточную тень на его, Стивенса, авторитет?

Отыскав в верхнем ящике маркер, Рэй присел на корточки и исправил одну букву, так что получилось «детективный». Тут дверь в кабинет распахнулась, и он поспешно встал, закрыв маркер колпачком.

— А, Кейт, я тут это... — Он не договорил, все поняв по ее лицу еще до того, как взглянул на оперативную сводку. — Что у тебя?

— Наезд со смертельным исходом в Фишпондс, шеф. Водитель задавил пятилетнего ребенка и скрылся.

Рэй взял у нее распечатку и пробежал глазами, пока только что сменившаяся с дежурства Кейт мялась на

пороге. Она пришла в криминальную полицию всего пару месяцев назад и еще не освоилась, но работник из нее вышел хороший — она даже не сознавала, насколько.

— Номер не запомнили?

— Пока никто не признался. Вызванный на место патруль обеспечил сохранность места происшествия, сержант сейчас берет показания у матери ребенка. Понимаете, она в шоковом состоянии...

— Сможешь сегодня задержаться? — только и спросил Рэй. Кейт закивала, не дожидаясь, пока он договорит. Они обменялись понимающими полуулыбками — прилив адреналина заставлял забыть об усталости и будил охотничий азарт, несмотря на чудовищную причину. — Тогда поехали.

Они кивнули курильщикам, собравшимся под козырьком служебного выхода.

— Стампи, я забираю Кейт в Фишпондс. Свяжись с аналитическим, узнай, может, уже есть какие результаты.

— Будет сделано. — Пожилой детектив торопливо затянулся своей самокруткой. Сержанта Джейка Оуэна все звали просто Стампи^{*} так давно, что в суде всякий раз было непривычно слышать его полное имя. Немногословный Стампи имел в запасе больше баек, чем готов был рассказать, и, без сомнения, был лучшим детективом-сержантом у Рэя в управлении. Они несколько лет работали как напарники: Стампи со своей физической силой, неожиданной в таком коротышке, был весьма удобен в разыскном деле.

Кроме Кейт, в подчиненных у Стампи ходили невозмутимый Малcolm Джонсон и молодой Дейв Хилл-сдон, энергичный, но авантюрного склада констебль,

^{*} Крепыш, коренастый (англ.) — Здесь и далее — примеч. пер.

чи упорные попытки обличить виновного балансировали на грани допустимого. Но вместе они составляли хорошую команду, и Кейт быстро у них училась. Она так и горела служебным рвением, пробуждавшим в Рэе ностальгию по тем дням, когда он был рядовым оперативным сотрудником и семнадцать лет бюрократии его еще не укатали.

На «Опеле Корса» без опознавательных полицейских знаков они пробивались в Фишпондс по запруженным транспортом дорогам. Кейт, нетерпеливый водитель, досадливо цокала языком, когда загорался красный свет, и вытягивала шею, чтобы разглядеть, отчего впереди очередной затор. Она ни секунды не сидела спокойно: барабанила пальцами по рулю, морщила нос, ерзала на сиденье. Когда автомобили наконец тронулись с места, Кейт подалась вперед, будто от этого «Корса» поедет быстрее.

— Что, сейчас бы мигалку с сиреной? — сочувственно спросил Рэй.

Кейт улыбнулась:

— Да, не помешало бы!

Под глазами у нее немного расплылась подводка, но в остальном лицо девушки не было тронуто макияжем. Темные кудри окружали его ореолом, несмотря на чепраховую заколку, которой надлежало их удерживать.

Рэй зашарил в поисках мобильного — требовалось убедиться, что на место уже выехали из отдела расследований дорожно-транспортных происшествий, дежурный суперинтендант поставлен в известность и вызвали техподдержку — неуклюжий фургон, под самую крышу набитый палатками, прожекторами и горячими напитками. Все оказалось сделано. Честно признаться, думал Рэй, все всегда и делалось, но вместе с должностью инспектора он заработал и постоянную головную боль. Обычно патрульные мрачнели, когда инспектор

полиции подъезжал лично и, так сказать, покушался на свою прежнюю территорию, но тут уж ничего не поделаешь. Все через это прошли, даже Рэй, отработавший в патрульных необходимый минимум.

Он связался с диспетчером, сообщив, что через пять минут будет на месте, но домой звонить не стал: он, наоборот, предупреждал Мэгс в тех редких случаях, когда собирался вернуться с работы вовремя (с его нагрузкой так целесообразнее).

Свернув за угол, Кейт сбросила скорость: шесть полицейских автомобилей, припаркованных как попало, освещали все вокруг голубоватыми вспышками мигалок. Прожекторы уже были установлены на металлических штативах, и сильные лучи пронизывали завесу измороси, в которую за последний час превратился мелкий дождь.

Выходя из управления, Кейт захватила куртку и переобулась, сменив туфли на резиновые сапоги.

— Практичность важнее красоты, — засмеялась она, бросив туфли в свой металлический шкафчик. Рэй редко думал о практичности и еще реже о красоте, но сейчас он пожалел, что не взял хотя бы пальто.

Они оставили машину за сотню метров от большого белого тента, раскинутого в попытке спасти от дождя возможные улики. С одной стороны палатка оказалась открыта, и было видно, как эксперт-криминалист, стоя на четвереньках, собирает марлевым тампоном что-то неразличимое. Другой эксперт в белом спецкостюме осматривал одно из огромных деревьев на обочине.

Рэй и Кейт направились к месту происшествия, когда их остановил молодой патрульный в застегнутой до ушей светоотражающей куртке: его лицо было едва заметно между козырьком фуражки и воротником.

— Добрый вечер, сэр, хотите туда пройти? Я обязан вас записать.

— Нет, спасибо, — отказался Рэй. — Где ваш сержант?

— В доме матери пострадавшего, — полицейский показал дальше по улице, вдоль которой тянулся ряд одинаковых домов, и еще выше подтянул воротник. — Дом номер четыре, — раздалось приглушенное пояснение.

— Господи, вот уж дрянная работа, — посетовал Рэй, когда они с Кейт шагали в указанном направлении. — Помню, в бытность мою стажером я двенадцать часов охранял место происшествия под проливным дождем, после чего меня отчитал приехавший к восьми утра следователь за то, что я не улыбаюсь...

Кейт засмеялась:

— И поэтому вы решили податься в сыщики?

— Не только, — отозвался Рэй, — хотя в какой-то мере тот случай повлиял. А в основном просто остановило передавать интересные дела сыскарям, не видя ни одного раскрытия. А ты?

— Да тоже как-то так...

Дойдя до ряда домов сплошной застройки, на которые указал патрульный, они принялись выискивать четвертый номер. Кейт продолжала:

— Меня всегда привлекали серьезные расследования. Я по характеру такая, что мне быстро все надоедает, потому и люблю заковыристые дела, над которыми нужно поломать голову. Кроссворды повышенной сложности, понимаете?

— Еще как понимаю, — согласился Рэй. — Хотя я никогда не умел разгадывать кроссворды.

— Там только приоровиться надо, и начнет получаться, — сообщила Кейт. — Будет время, я вас научу. Вот номер четыре!

Нарядно покрашенная дверь была приоткрыта. Рэй распахнул ее и крикнул в коридор:

— Криминальная полиция! Можно нам войти?

— Проходите в гостиную, — послышался ответ.

Вытерев ноги, детективы прошли по узкому коридору, миновав завешанную одеждой вешалку, под которой аккуратно поставленные детские красные резиновые сапожки соседствовали с парой сапог побольше.

Мать погибшего ребенка сидела на кушетке, не сводя глаз с синего школьного рюкзачка на завязках, лежавшего у нее на коленях.

— Я инспектор полиции Рэй Стивенс. Примите мои соболезнования по поводу случившегося с вашим сыном.

Молодая женщина подняла глаза, так накручивая шнурки на руки, что на коже оставались красные борозды.

— Джейкоб, — сказала она без слез. — Его звали Джейкоб.

Патрульный сержант, примостившийся за кухонным столом, держал блокнот на колене. Рэй видел раньше этого парня в управлении, но как зовут, не знал. Он бросил взгляд на его жетон.

— Брайан, выйди пока с Кейт на кухню и расскажи ей, что удалось узнать. Я хочу задать свидетельнице несколько вопросов, это не займет много времени, а вы пока ей чаю сделайте.

По выражению лица Брайана стало ясно — меньше всего ему хочется заниматься чаем, но он встал и вышел из комнаты вместе с Кейт. Наверняка сейчас пожалуется, как следаки третируют их, простых патрульных. Рэй не стал об этом думать.

— Простите, что приходится вас беспокоить, но нам сейчас очень важно получить как можно больше информации.

Мать Джейкоба кивнула, по-прежнему глядя на рюкзачок.

— Я так понял, номера машины вы не заметили?

— Все случилось очень быстро, — проговорила она, и эти слова словно открыли невидимые шлюзы. —

Джейкоб рассказывал о школе, а тут... Я выпустила его руку буквально на секунду... — Она сильнее затянула шнур на запястье. — Так быстро... Машина просто лежала...

Она отвечала на вопросы тихо, не выдавая огромного горя, которое не могла не чувствовать. Рэй не любил трогать человека в таком состоянии, но выбора у него не оставалось.

— А кто был за рулем?

— Я не видела.

— Пассажиры в машине были?

— Я внутрь не заглядывала, — это прозвучало монотонно и как-то безжизненно.

— Понятно, — отозвался Рэй. И как прикажете работать, черт побери?

Женщина поглядела на него:

— Вы же его найдете? Того, кто задавил Джейкоба? Найдете? — Ее голос дрогнул, и слова перешли в утробный стон. Несчастная мать согнулась, прижимая к животу школьный рюкзак, и у Рэя все сжалось в груди. Он глубоко вздохнул, справляясь с эмоциями.

— Мы сделаем все возможное, — ответил он, презирая себя за эту избитую фразу.

Из кухни вернулась Кейт, за которой шел Брайан с кружкой чая.

— Ну что, может, я все-таки закончу брать показания? — спросил он.

«Ты имел в виду — прекрати расстраивать мою свидетельницу», — подумал Рэй.

— Пожалуйста. Простите, что помешал. Кейт, мы все узнали?

Девушка кивнула. Она была бледна, и Рэй подумал, уж не расстроил ли ее Брайан. Через год Рэй будет видеть ее насквозь, как остальных своих сотрудников, но пока он ее еще не раскусил. Впрочем, прямолинейности ей было не занимать, в чем Рэй имел случай убе-

диться: на совещаниях Кейт не боялась высказать свою точку зрения и быстро училась.

Выйдя на улицу, детективы молча пошли к машине.

— Ты в порядке? — зачем-то спросил Рэй. Кейт шла, стиснув зубы, и в ее лице не было ни кровинки.

— В полном, — отозвалась девушка, но голос у нее звучал сипло, и Рэй понял, что она сдерживает слезы.

— Эй, — он неловко приобнял ее за плечо, — ты из-за этого мальчика?

За много лет у инспектора выработался защитный механизм, не позволявший расклеиваться в подобных ситуациях. Свои методы на этот счет имелись у большинства детективов — соленые шутки, звучавшие иногда в столовой, лучше было пропускать мимо ушей, — но Кейт, видимо, еще не привыкла.

Она кивнула и глубоко, прерывисто вздохнула.

— Простите. Обычно я держу себя в руках, я расследовала уже больше десяти наездов со смертельным исходом, но... Господи, всего пять лет! Отец Джейкоба не желал его знать, поэтому мать и сын жили вдвоем. Даже представлять не хочу, каково ей сейчас... — Ее голос сел, и Рэй снова почувствовал в горле ком. Он спасался тем, что сосредотачивался на расследовании — на твердых доказательствах — и не думал о переживаниях участников трагедии. Если все время пережевывать, каково держать на руках своего умирающего ребенка, от такого детектива не будет пользы в первую очередь Джейкобу и его матери. Рэй невольно подумал о своих детях, и его посетило иррациональное желание позвонить домой и проверить, все ли с ними в порядке.

— Простите. — Кейт через силу улыбнулась. — Обещаю, такого больше не повторится.

— Да все нормально, — заверил Рэй. — Каждый через это прошел.

Она приподняла бровь:

— И вы? Простите, шеф, но я не считаю вас чувствительной натурой.

— Всякое случалось. — Рэй коротко сжал ее плечо и убрал руку. Плакать на работе ему не доводилось, но порой он держался из последних сил. — Успокоилась?

— Почти. Спасибо.

На ходу Кейт оглянулась на дорогу, где эксперты еще и не думали заканчивать.

— Какой же ублюдок способен задавить пятилетнего мальчишку и уехать?

Рэй ответил без колебаний:

— Вот это нам и предстоит выяснить.

Глава 2

Я не хочу чая, но принимаю предложенную кружку и опускаю лицо к поднимающемуся пару, пока не становится нестерпимо горячо. Боль щиплет кожу, от нее немеют щеки и жжет глаза. Я борюсь с инстинктивным желанием отодвинуться — мне нужно одеревенеть, утратить всякую чувствительность, чтобы выдержать воспоминания, не тускнеющие ни на миг.

— Принести тебе что-нибудь поесть?

Он стоит надо мной, и я знаю, что должна поднять голову, но я не в силах совладать с собой. Как он может предлагать мне еду и питье, будто ничего не произошло? Изнутри поднимается волна дурноты, и я сглатываю едкий, кислый вкус. Он винит в этом меня. Он не сказал прямо, но ему и не надо, все читается в его глазах. И он прав — это моя вина. Надо было возвращаться домой другой дорогой. Я не должна была болтать, я должна была его остановить...

— Нет, спасибо, — тихо отвечаю я. — Я не голодна.

Наезд снова и снова прокручивается у меня в голове. Я хочу нажать на паузу, но этот видеоролик не-

умолим: тело, распластанное на капоте, раз за разом. Я снова подношу чашку к лицу, но чай остыл, его тепла недостаточно, чтобы обжечь. Я не чувствую, как выступают слезы, но увесистые горячие капли падают мне на колени. Я смотрю, как они впитываются в джинсы, и скребу ногтем по пятнам глины на своем бедре.

Я обвожу взглядом комнату в доме, который столько лет создавала. Занавески той же ткани, что и диванные подушки, статуэтки — некоторые мои, остальные я увидела в разных галереях и не смогла пройти мимо. Я думала, что вдыхала в дом душу, а оказалось, лишь украшала стены. Пустая скорлупа.

Рука болит. В запястье бьется пульс, быстрый и легкий. Я рада боли; лучше бы болело сильнее. Жаль, что это не меня сбила машина.

Он снова говорит. Полиция повсюду ищет автомобиль... Свидетелей происшествия попросят откликнуться через газеты... Несчастный случай попадет в выпуск новостей...

Комната кружится, и я начинаю пристально смотреть на кофейный столик, кивая, когда это кажется уместным. Он делает два шага до окна, потом возвращается. Я бы предпочла, чтобы он сел: это заставляет меня нервничать. Руки у меня дрожат, и я поспешно ставлю нетронутую чашку чая, боясь ее уронить, однако при этом громко звякаю о стеклянную столешницу. Он с досадой смотрит на меня.

— Прости, — говорю я. Во рту металлический вкус, и я догадываюсь, что прокусила губу. Я сглатываю кровь, не желая привлекать внимание просьбой о платке.

Все изменилось. В то мгновение, когда машину занесло на мокром асфальте, вся моя жизнь изменилась. Я вижу это очень ясно, будто со стороны. Я так дальше не смогу.

Проснувшись, я не сразу понимаю, что это за ощущение: все вокруг то же самое, и, однако, все изменилось. Но прежде чем я открываю глаза, в голове возникает шум, подобный звуку поезда метро, и тут же начинают мелькать нестерпимо яркие картинки, которые я не могу прогнать или поставить на паузу. Я прижимаю основания ладоней к вискам, словно стараясь силой подавить воспоминания, но они все равно наплывают, выпуклые, стремительные, будто без них я смогу забыть.

На тумбочке медный будильник, который мне подарила Ева, когда я поступила в университет («Иначе ты нипочем не успеешь на лекции»). Потрясенная, я замечаю, что уже половина одиннадцатого. Ноющая рука отходит на второй план — голова раскалывается так, что в глазах темнеет от любого движения, и когда я буквально выдираю себя из кровати, в теле болит каждая мышца.

Я натягиваю вчерашнюю одежду и выхожу в сад, не налив себе кофе, хотя во рту пересохло, и трудно глотать. Я не нашла свою обувь, и побитая морозом трава обжигает босые ступни. Сад небольшой, но и зима на подходе: дойдя до дальнего края, я уже не чувствую пальцев.

Мастерская в саду служит мне единственным уголком последние пять лет. Случайному зрителю она может показаться почти сараев, но я приходила сюда думать, работать и отрешиться от всего. Деревянный пол усеян кусками глины, которые падали с гончарного колеса, установленного в центре студии, чтобы я могла ходить вокруг, окидывая свою работу критическим взглядом. Вдоль трех стен тянутся полки, куда я ставлю мои скульптуры в художественном беспорядке, понятном только мне. Незаконченные работы — сюда; обожженные, но не раскрашенные — сюда; готовые заказы — сюда. Здесь сотни статуэток, однако если я закрою глаза, то